

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Устная традиция в пространстве междисциплинарности: в поисках общего знаменателя

Наталья Анатольевна Архипенко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Россия
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник
E-mail: kuzdra2000@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию содержания одного из важнейших понятий современной гуманитарной науки. В ней рассматривается вопрос о значимых сущностных характеристиках устной традиции, которые должны быть учтены при осуществлении междисциплинарного ее изучения. Особое внимание уделяется категории устности и описанию традиции как одной из разновидностей «наивных» картин мира.

УДК 903

Ключевые слова: устная традиция, традиционная культура, картина мира, меморат, донские казаки.

Казаки-второочередники с хутора Татарского и окрестных хуторов на второй день после выступления из дому ночевали на хуторе Ея. Казаки с нижнего конца хутора держались от верховцев особняком. Поэтому Петро Мелехов, Аникушка, Христоня, Степан Астахов, Томилин Иван и остальные стали на одной квартире. Хозяин — высокий дряхлый дед, участник турецкой войны — завел с ними разговор...

— Я вас, сынки, вот об чем прошу. Дюже прошу, и вы слово мое попомните, — заговорил дед.

Петро отвернул полу шинели, прислушался.

— Помните одно: хочешь живым быть, из смертного боя целым выйтить — надо человечью правду блюсть.

— Какую? — спросил Степан Астахов, лежавший с краю. Он улыбнулся недоверчиво. Он стал улыбаться с той поры, когда услышал про войну. Она его манила, и общее смятение, чужая боль утишали его собственную.

— А вот какую: чужого на войне не бери — раз. Женщин упаси бог трогать, и ишо молитву такую надо знать...

Он пошел в горницу, порылся под божницей и принес клеклый, побуревший от старости лист бумаги.

— Вот. Вставайте, поспишите. Завтра, небось, до кочетов ить тронетесь?

Дед ладонью разгладил на столе хрустящий лист и отошел. Первым поднялся Аникушка. На голом, бабьем, лице его трепетали неровные тени от огня, колеблемого ветром, проникавшим в оконную щель. Сидели и списывали все, кроме Степана. Аникушка, списавший ранее остальных, скомкал вырванный из тетради листок, привязал его на гайтан, повыше креста. Степан, качая ногой, трунил над ним:

— Вшам приют устроил. В гайтане им неспособно водиться, так ты им бумажный курень приспособил. Во!

— Ты, молодец, не веруешь, так молчи! — строго перебил его дед. — Ты людям не препятствуй и над верой не насмехайся. Совестно так-то и грех!

Степан замолчал, улыбаясь; сглаживая неловкость, Аникушка спросил у деда:

— Там, в молитве, про рогатину есть и про стрелу. Это к чему?

— Молитва при набеге — это ишо не в наши времена сложенная. Деду моему покойнику от его деда досталась. А там, может, ишо раньше была она. В старину-то с рогатинами воевать шли да с сагайдаками.

Списывали молитвы на выбор, кому какая приглянется¹.

После осуществления антропологического поворота в гуманитарной науке центром изучения становится человек, проявляющий во всех плодах своей разнообразной деятельности особенности мышления, содержание стереотипов, поведенческие стратегии. В связи с этим устная традиция стала привлекать пристальное внимание целого ряда специалистов-гуманитариев как одна из наиболее архаичных социальных систем, определивших менталитет и самосознание многих социальных и этнических групп. Лингвисты, фольклористы, этнографы уже давно сделали устную традицию объектом своего научного интереса, обратившись к диалекту, фольклору, материальной и духовной культуре. Вслед за ними собственное исследовательское поле в рамках устной традиции стали осваивать историки, социологи, политологи, философы, культурологи. Однако распределение границ влияния часто приводит к тому, что ученый не видит всего сложного явления в комплексе, следовательно, ограничивает научное знание, сужает исследовательское пространство. Междисциплинарное обращение к устной традиции полностью отвечает ее синкретической природе, а по-

¹ Шолохов М.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. Тихий Дон: (Роман в четырех книгах). Книга первая. М., 1956. С. 276–277.

тому требует обмена мнениями в отношении значимых сущностных ее характеристик, которые необходимо принимать во внимание любому специалисту, обращающемуся к материалу устной традиции. В рамках такого полилога хочется сформулировать несколько соображений филолога-этнолингвиста в отношении устной традиции.

* * *

Что такое устная традиция? Какое явление реальной действительности обозначается этим словосочетанием? Одинаково ли понимают его представители различных гуманитарных наук? Попробуем ответить на эти вопросы.

В первую очередь обратим внимание на то, что *устная традиция* – это термин, т.е. элемент особого научного языка (метаязыка), которым пользуются исследователи-гуманитарии, интересующиеся вопросами изучения народной культуры и менталитета. Как правило, термины обозначают абстрактные или сложные понятия, посредством которых та или иная наука описывает объект своего внимания. Скорость света, валентность, электрон, флексия, неолит – это все термины разных наук, упрощающие и интенсифицирующие профессиональное общение. В гуманитаристике термин *устная традиция* обычно используют для обозначения целого ряда различных по своим сущностным свойствам явлений народной культуры: с одной стороны, это диалект, фольклор, речевые этикетные формулы, устные воспоминания (мемораты) и другие факты культуры, имеющие вербальное (словесное) выражение, а с другой – в этот же ряд включаются и тесно связанные с вербальным текстом обрядовая и музыкальная составляющие, невербальные стратегии поведения и т.п. Что же объединяет эти факты народной культуры в рамках термина *устная традиция*?

В первую очередь это важная для всех составляющих народной культуры категория устности, которую не следует понимать ограниченно, опираясь на основное словарное значение – ‘произносимое выраженное в звуковой речи, письменно не закрепленное’ [1]. В этом смысле *устное* противостоит *письменному* только по способу фиксации и воспроизведению информации, а это вовсе не значит, что любой произнесенный текст обладает категорией устности. Значение здесь имеет не техническая сторона, а сущностное противопоставление двух культур.

Нужно иметь в виду особые свойства этого культурного феномена, которые проявляются не только в способах трансмиссии (передачи) культурной информации, но и в способах создания, функционирования, хранения, обучения, восприятия, осмысления. Все это строится на принципах устности, и всю народную культуру можно обозначить как устную в широком смысле этого слова. По мнению исследователя традиционной культуры Б.Н. Путилова, устность «может употребляться как категория, объединяющая все естественные способы передачи информации с участием уст, ушей, глаз, других частей тела» [2]. Это возможно только в ситуациях, когда люди стоят лицом к лицу и прямо обращаются друг к другу (так называемая контактная коммуникация), способы обращения при этом уже не играют роли – все они устные. И даже бесписьменное общество целиком можно определить как устное общество [3]. В таком социуме весь традиционный, исторический, поведенческий опыт этноса сосредоточен, закреплен, хранится в памяти, в сознании; передача, усвоение этого опыта естественно включены в процесс жизнедеятельности, практики коллектива и происходят неосознанно, незаметно, спонтанно.

Чтобы глубже понять, что такое устность народной культуры нужно отграничить ее от смежных явлений. Так, народная устность противостоит устности нетрадиционных (новых) форм передачи информации (школа, собрание, лекция и т.п.), обеспечивая «передачу через опыт», «восприятие путем подражания-повторения», «обучение показом», т.е. по принципу «делай как я». И естественно, устная культура противостоит письменной по целому ряду характеристик:

- устная передача может быть осуществлена как во времени, так и в пространстве, но при условии возможности контактной коммуникации;

- устойчивой доминантой устной традиции является в первую очередь содержание (представление, картина мира), а формы выражения при всей их устойчивости более вариативны;

- тексты устной традиции реально существуют лишь в момент своего изложения, вне этих рамок они не хранятся целиком в памяти носителя культуры;

- устные тексты вариативны, так как каждый раз при необходимости воссоздаются по той или иной жанровой, сюжетной или тематической модели с помощью различных клише, принадлежащих всему корпусу традиции (то же самое происходит и при усвоении текстов);

- устный словесный текст составляет синкретическое (нерасчлененное) единство, как формальное, так и смысловое, с различными несловесными компонентами (символическими действиями, музыкой, танцем и т.п.).

Письменная же традиция обеспечила постоянное, а не прерывистое существование текста во времени, в результате чего произошло отчуждение текста от его исполнителя, от живого голоса; книжное произведение получило автономию от человека. Была разорвана связь между хранением, воспроизведением и передачей сообщения, следовательно, наличие «чистовика» (эталонного варианта) привело к тому, что фактор стабильности стал преобладать над подвижностью и изменчивостью. Письменная фиксация текстов отделила слово от его невербального контекста (звучания, жеста, движения, манеры исполнения) [4].

Устная культура архаичнее письменной, и несмотря на то, что на определенном этапе они могут взаимодействовать, каждая из них сохраняет свои сущностные характеристики. Их соотношение у разных народов в разные периоды неодинаково, но основная тенденция все же сводится к тому, что письменная культура постепенно вытесняет и заменяет устную.

Второй структурный и смысловой компонент термина *устная традиция* понимается по-разному. С одной стороны, под традицией могут иметь в виду всю совокупность форм выражения коллективного опыта, передаваемую из поколения в поколение: песни, сказки, предания, легенды, свадебная обрядность, мемораты, пословицы, поговорки, этикетные жесты и т.п. С другой, традиция может восприниматься как обобщенное содержание, передаваемое разными синкретическими способами (например, представление о времени – опасном и неопасном для человека, о болезнях и их излечении, об освоенном и неосвоенном пространстве, об этапах жизни человека, о грешном и сакральном и др.). Оба эти компонента почти полностью соответствуют словарным значениям слова *традиция* в русском языке: «исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение опыт, практика в какой-либо общественной жизни, действительности; обычная, принятая норма чего-либо; устный рассказ, передающийся из поколения в поколение» [5]. Однако термин *традиция* в его более глубоком междисциплинарном понимании толкуется также как одна из разновидностей картин мира, т.е. интуитивное субъективное восприятие окружающей действительности, образ мира. Картина мира содержит не столько представления о самом объективном мире, сколько о субъекте, который его наблюдает.

Картины мира бывают научные и «наивные». Первые стремятся к объективному познанию и описанию мира при помощи научных методов изучения. Химическая картина мира, например, представляет окружающую реальность в виде набора химических элементов и законов их взаимодействия: человек, воздух, земля, животные, деревья в этой картине мира – совокупность химических веществ и их реакций. «Наивные» же картины мира в осмыслении окружающей действительности опираются на практический опыт повседневной жизни. Различие между этими картинами мира можно проиллюстрировать несовпадением научных и наивных понятий. Так, вода, с точки зрения научной картины мира, это жидкое вещество, состоящее из двух молекул водорода и одной молекулы кислорода, без цвета и запаха, с температурой кипения 100 градусов, температурой замерзания ноль градусов и т.п. В повседнев-

ном употреблении при помощи слова *вода* и его форм могут быть обозначены и газированная вода, и туалетная вода, и сточные воды, т.е. для обыденного сознания гораздо важнее такое свойство воды, как ее жидкое состояние (хотя и это не всегда так, например, в словосочетании *бриллиант редкой воды*, т.е. редкой прозрачности).

В сознании современного человека, получившего среднее образование, наивная картина мира сочетается с элементами научной. Поэтому из школьного курса астрономии почти все мы помним, что солнце – это звезда, расположенная на наименьшем расстоянии от Земли. Но весь наш опыт жизни в рамках русской культуры подсказывает, что солнце и звезды – это совершенно разные явления: солнце бывает днем, а звезды – ночью; солнце ярко светит и греет, а звезды – нет; солнце и звезды обозначаются разными словами, и рисуем мы их по-разному. Или еще один пример: арбуз, с точки зрения обыденного сознания, никак не похож на ягоду: он большой, не растет на кустах, да и его название выбивается из привычных русскому уху наименований ягод – клубника, ежевика, голубика, малина, смородина, калина и т.д. Поэтому русские люди информацию о том, что арбуз – это ягода, передают друг другу как анекдот или небывальщину. Таким образом, каждая из наивных картин мира актуализирует в понятии такие стороны явления, с которыми носитель этой картины мира сталкивается в своей повседневной жизни.

Традиционная картина мира, наряду с языковой, мифологической, этнической, социальной, фольклорной и другими, относится к наивным картинам мира и характеризуется всеми обозначенными выше общими чертами. Тем не менее ей присущи и индивидуальные отличительные особенности, среди которых определяющими являются две – на них мы и остановимся подробнее.

1. *Межпоколенная передача всего корпуса народной культуры* (представлений, вербальных текстов и невербальной составляющей). Традиция вырабатывает особый механизм воспроизведения всего социального и культурного опыта в виде норм, при котором поддержание последних узаконивается фактом их существования в прошлом. Если для уточнения языковых норм мы обращаемся к словарям и грамматикам, а юридических норм – к Конституции и Уголовному кодексу, то в рамках традиции хранителем норм выступает коллективный опыт прошлого: «так моя мама делала», «это я от бабушки научилась», «у нас так всегда свадьбы играли», «это он по-нашему песню играет» и т.п. Единственным авторитетным арбитром в решении вопроса о том, как правильно и как неправильно делать или поступать, в традиции является коллективная память. Поэтому носитель традиции может варьировать полученный им опыт при воспроизведении, но до известных пределов, пока у других членов коллектива не возникает ощущения, что это уже не то, как делали предки и как привыкли делать потомки. Очень важным механизмом в закреплении традиции является тот факт, что предки, передавшие опыт, – это не безликая масса, а совершенно конкретные люди, знакомые лично или понаслышке. Носители традиции при следовании нормам ссылаются, как правило, не на предков вообще, а на тех их представителей, которые устно воспроизводили им наследие традиции. Традиция в своем естественном (аутентичном) бытовании функционирует в небольших замкнутых группах, члены которых прямо или косвенно знакомы друг с другом.

2. *Трансляция коллективного опыта в форме запретов и предписаний*. Это очень эффективный механизм обеспечения устойчивости традиции, так как запреты и предписания диктуют четкие и однозначные правила, на которые должны ориентироваться носители традиционных представлений. Попробуем проиллюстрировать, как же мотивируется соблюдение коллективных норм на примере народной культуры донских казаков (обладающей всеми характеристиками традиции) в сравнении с современной городской культурой.

Вопрос о том, подавать или не подавать нищим, в городской и традиционной культуре решается принципиально разными способами. Городской житель, исходя из личного опыта и индивидуальных наблюдений, выбирает ту или иную модель по-

ведения при встрече с человеком, просящим подаяния: 1) подает всегда (потому, например, что осознает свое благополучное положение и сочувствует тем, кому тяжело; или потому, что его бабушка так делала всегда и он это делает по привычке или в память о ней; или потому, что ему неловко и стыдно отворачиваться от просящего человека и т.д.), 2) никогда не подает (потому что убежден, что не следует поддерживать организованный бизнес попрошаек; или потому, что считает, что в современном мире любой человек при желании может заработать себе на жизнь; или...), 3) подает только действительно нуждающимся; 4) подает только тем, кто просит подаяния около храма. Этот ряд не закрыт, и мы не будем дальше множить примеры, поскольку главная мысль следует и из уже приведенных: индивидуальный характер мотивировок и отсутствие механизма передачи коллективного опыта в рамках современной культуры диктуют многообразие моделей поведения, дают возможность изменять эти поведенческие стратегии на близкие или прямо противоположные.

Иначе обстоит дело в традиционной культуре, в рамках которой являются строго закреплёнными как форма передачи представлений о нищем и контакте с ним, так и само их содержание. В качестве примера сначала приведем, а потом прокомментируем достаточно пространственный рассказ, записанный в этнолингвистической экспедиции от Тормозовой Марии Васильевны, жительницы хутора Нижние Дубы Тарасовского района Ростовской области. Расшифрованный с диктофона текст приводим без изменений и сокращений (в круглых скобках даны примечания, необходимые для лучшего понимания смысла, большими буквами обозначены ударные гласные). Мы намеренно используем особую запись, позволяющую как бы услышать живую диалектную речь:

«От я расскажу вам... Систра мая жыла в Валгагратскай области на жылезнай дароги. Там был чилавек. Рассказывал ей. Он сам атседава, тожы ш там жы. Чи там жыл, чи приезд взял кому. А так здешний, што он жы в горат ездил, в Валгагратскую область. Жыли ани, как я сичас с нивесткай. Нивес(т)ка в богу верила, миластину людям давала. А свякруха была жадная, ни давала ни богу, ничаво. На Паску сабираица муш паски свитить. Она (жена) иму гаварить: «Иди, ты ж нищива паклич, разгавеца». А мать жы этава ни хочит. Мать (говорит): «Нужын он, тряпашик». Он пашол и думает: што жы зделать? Пакличу нищива – жыне угажу, матири нет. Ни пакличу – матири угажу, а жыне нет. Скажу, што я ни захватил, их уже разабрали, нет. Ну вот пришил, она (жена) гаварить: «Ой, ну чё ж ты нищива ни пазвал?» А он гаварить: «Да я апаздал, уже люди разабрали. Я задиржался, зашел туды, туды. Задиржался». А он стаить нищий пад акном да и гаварить: «А я вот ан». Ана (жена) выскачила, завила иво, угастила, а мать нидавольна, ты што. А он (нищий) кличить этава, мужыка: «Ты, можыт, будиш ехать в горат, заижжяй, я там пад Белай гарою в зимляначки жыву. Паведаиш мне, я тибе тожы угащу».

И прашло сем лет. Матирию пахаранили, яму пришлось ехать. Он думает: «А што? Дай заеду, може, он живой». Заехал, слес. Он стаит между путей и сам сабе гаварить: «А де ж я иво буду искать?» А он ззади: «Я вот ан!» Заводить яво в зимляначку сваю. Комната полна иконачик. Куда-та двери есть ищо адни, (нищий) угащай иво и гаварить: «Ты хатИш паглидеть сваей жаны стол?» Он гаварить: «Хачу». Он аткрываит дверь, а там на стале птичыва малака нима – жына столька надавала миластий. Он (мужчина) гаварить: «А мамын (стол)?» А он (нищий) гаварить: «А мамын (вот)». Аткрыл другии двери, а ана там ф смале кипить, в ями. А он (мужчина) гаварить: «А што ш, как аткель маму вытинуть?» (Нищий:) «А вот ляжить пёрышка луку адно, эта иё миластина. Бяри, вытиниш? За эту луку? И то ана, – гаварить, – ничаяна лук палола, вырвала и выкинула на дарогу, а биреминная женщина ишла и съела». Дак вот, девки, жывити и миластину людЯм давайти. Ни толька кусок хлеба, (но) и што есть... Эта сам гасподь был.

Са мной точно такой был случий... Идут старухи ф церкву: ой, дам (им) траяк на свечки. Эта я, эта маё, я сваё расскажу. Вот я как в двери выскакываю, дать, и думаю:

кому (дать)? Никаво ни знаиш, я павирнулаь и ушла. Ни дала. Ну вот типерь тут жыву, пастроилаь, а старухи и гаварять: «Я тебе расскажу сон». Я гаварю: «Какой?» (Сон:) Иду я па такой равнини, а сталов, а людей (много), сидять ядять. А я, – гаварить, – иду, а мой Вася (покойный муж) сидить на краюшку стала, ничиво у ниво нету. А я патхажу, здарофкаюь: «Здарова, Вася, а чё эта фсе абедають, а ты сидиш, у тебе ничиво нет?» А он гаварить: «Да ты хатела кусок хлеба дать и ни дала». И у ниво ни кусочка хлебуска нету. А я, – гаварить (старуха), – хадил нищий, и маладой, я вынисла хлеба, а он маладой. Думаю, ну маладой, сабе заработаиш, ни дала. Как я вот траяк (на свечки). Какое маё дела, лучшы бы ана сабе кусок хлеба купила, мне разницы нету. Так вот эта грех. Думала дать – нада дать. Ат чистава сердца нада дать. Есть душа – дай, нет – ни нада. А лучши дай» [6].

Перед нами меморат, т.е. воспоминание, содержащее случаи из жизни – собственной или других людей. Как видно, в этом тексте переплелись три самостоятельных сюжета на одну и ту же тему – подавание нищим. Этот текст характеризуется ярко выраженной «установкой на достоверность», т.е. указанием на то, что изложенные события реальны и правдивы: поэтому рассказчица, не зная имени того самого мужчины с железной дороги, старается привести много подробных сведений о нем; также она несколько раз подчеркивает, что перешла к своей собственной истории; и лишь имена старух, рассказавших ей сон, она не называет, ведь это соседки, а значит, не требуется специально доказывать реальность их существования. Для подобного рода текстов принципиально важно показать, что речь идет о действительных событиях, которые уже произошли с известными людьми, а значит, в будущем они могут произойти и с любым другим человеком.

Первый сюжет помогает нам понять, что милостыня, поданная нищим, обеспечивает человеку благоденствие на «том свете», а жадность и жестокосердие – прямой путь к загробным мучениям. Второй показывает, что подавание родственников может сказываться на положении покойного, который будет сыт в том случае, если милостыня не просто подана, но это сделано от всего сердца. Опыт же самой рассказчицы подводит итоговую черту: не подать нищему – это грех.

Таким образом, и рассказчик, и слушатели после подобного рода коммуникации должны ответить себе на ряд простых вопросов: хочу я на «том свете» «сидеть за полным столом» или «кипеть в смоле»? хочу я, чтобы мои умершие родственники были сытыми или сидели за пустым столом в то время, как другие покойники (о которых позаботились их близкие) сытно едят? Ответ на эти вопросы вполне предсказуем. Также понятно, как поступит мотивированный таким образом носитель традиции при встрече с нищим: обязательно подаст ему милостыню, стараясь ни в чем не сомневаться и ни о чем не жалеть. Вот так эффективно действуют механизмы традиции, предписывая человеку определенные стратегии поведения.

Приведем еще один пример того, как традиция, используя запреты и предписания, передает членам социума коллективный опыт, касающийся работы в праздники. Эти рассказы, также записанные на территории проживания донских казаков, мы подробно комментировать не будем для того, чтобы читатели сами почувствовали, насколько устойчиво формируется традиционная картина мира при помощи подобного рода текстов:

Текст 1: Праздники надо соблюдать. Не надо ни стирать, ни убирать в праздники. Особенно, девчаты, когда в положении, строго надо соблюдать. А то рождаюца дети с дефектам. Вот у нас у-городе, ну она в зубном кабинете там работала раньше, ну щас она уже на пенсию пошла, эта женщина. И вот так пальцев на одной руке была два пальчика, а другая совсем один палец, один был. Две руки были калеченные, а на лицо она хорошенькая была. А у ниё это, мать, говорить, на Паску резала картошку садить, и, говорить, вот это, резала, и она родилась такая. Она всем говорила. Ей мать, видна ж, сказала, что это ж Бог и наказал. Понятно? Или вот бывают дети рождаюца, глядишь: родинка прилепится там, где не надо. Так это ж на спине-то не-

заметно, а то на лице бывает родинка. Ни гладить, ни стирать беременным ни в каком случае нельзя. Ну надо соблюдать, чего говорить [7].

Текст 2. Ну слушайте. Вот когда ты беременная ходишь, ну Рождество, Хрещение там, дров не надо рубать. А то у меня вот она, племянница, тоже ей не хватило дров, она так-от, челюсть разрубанная, родила хлопца. Это оказалась как пасть, волчья пасть. Она сама знает, моей сестры дочка. Дак она на Хрещение дров, печку растоплять. Так и родился хлопец, разрубанная от эта вот пасть. А так маленькое, сосёт молоко, всё в нос льётся, и скрость льётся, от такое [8].

Текст 3. Это были. Быль. Как Полюшка рассказывала про свою мать. Праздник был какой-то. Она, чё-то у ней там порвалось. Она говорит: «Ой, да к вечеру я зашью». Ну и зашила и наколола себе палец. И так руку всю повело. Дело в том, что ей говорят: «Ты чё, шить собираешься? Ведь праздник». Она, говорить, махнула: «Ой, да уж этот праздник». И всё. И рука у ней... это быль. (Собиратель: Та рука, какой она махнула?) Да, махнула. Это быль. И так на всю жизнь у ней и осталась. Была здоровая хорошая рука, а с этих пор... И померла так [9].

Традиционная картина мира, имея собственные характеристики, в то же время тесно связана с мифологической, этнической, социальной и другими наивными картинами мира, что требует обязательного учета их специфики при проведении исследования.

* * *

Устная традиция – явление сложное и развивающееся. Идя много веков подряд бок о бок с письменной традицией, она трансформируется, принимая в рамках этнических культур различные формы. Ученые-гуманитарии обращаются к новым проблемам междисциплинарного исследования устной традиции [10, 11, 12], что как раз и требует подведения общего знаменателя под доказательную базу различных научных подходов, а значит, и продолжения разговора.

Примечания:

1. Словарь современного русского литературного языка. Т. 16. М.-Л., 1964. С. 972.
2. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб., 2003. С. 49.
3. Honko L. Four Forms of Adaptation of Tradition // *Studia Fennica*. Vol. 26. Helsinki, 1981.
4. Неклюдов С.Ю. О слове устном и книжном // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov5.htm>. Дата обращения: 5.11.2011.
5. Словарь современного русского литературного языка. Т. 15. М.-Л., 1963. С. 793–794.
6. Полевые материалы экспедиций ЮФУ. Информатор: Тормозова М.В., 1924 г.р., х. Нижние Дубы Тарасовского района Ростовской области, собиратели: Ефимова Н., Журкина С.
7. Полевые материалы экспедиций ЮФУ. Информатор: Сухова К.И., 1941 г.р., х. Грузинов Морозовского р-на Ростовской области, 2009, собиратель: Кабакова М.
8. Полевые материалы экспедиций ЮФУ. Информатор: Салова А.С., 1917 г.р., х. Рогожкино Азовского р-на Ростовской области, 2003, собиратель: Власкина Н.А.
9. Полевые материалы экспедиций ЮФУ. Информатор: Сафронова А.Ф., 1932 г.р., х. Базковский Верхнедонского р-на Ростовской области, 2004, собиратель: Шестак С.А.
10. Толстая С.М. Устный текст в языке и культуре // Слово устное и слово книжное. Сборник статей. М., 2009. С. 34–43.
11. Борисов С.Б. Рукописная баллада «Медальон»: тема инцеста в русской песенной и альбомной культуре // Слово устное и слово книжное. Сборник статей. М., 2009. С. 302–357.

12. Аникеева Т.А. Книжное бытование турецкой народной повести // Слово устное и слово книжное. Сборник статей. М., 2009. С. 357–374.

**Oral Tradition in the Field of Interdisciplinarity:
Search for a Common Denominator**

Natalya A. Arkhipenko

Institute of Social-Economic and Humanitarian Research of Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia
PhD in Philology, Senior researcher
E-mail: kuzdra2000@mail.ru

Abstract. The article is concerned with one of the major notions in modern humanitarian science, studies oral tradition essential characteristics, which should be considered during its interdisciplinary study. Special attention is attached to oral nature category and definition of tradition as one of the variety of “naive” worldview.

Keywords: oral tradition, traditional culture, worldview, memorat, Don Cossacks.

UDC 903